

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ С ПОВЫШЕНИЕМ И Понижением ИНФОРМАТИВНОСТИ СЛОВА

Не будет преувеличением утверждать, что проблеме сжатия и сокращения высказывания в разговорной речи Евгений Николаевич Ширяев уделял больше внимания, чем всему остальному. В дань памяти этого интересного синтаксиста представляется целесообразным предложить на обсуждение два типа контекстного семантического преобразования: наращивания и утраты содержания.

Лексикографу, преподавателю языка, лингвисту хорошо известно, что отдельные значения многозначного слова связаны друг с другом: одни тесно, другие – свободнее. Однако полнота этих связей и их специфика учитываются не всегда, и это нежелательно отражается на практическом учете многозначности. Полисемия всегда была в центре внимания, и описана она достаточно подробно, хотя многое в ее трактовке не лишено дискуссионности, как, например, отстаивание обязательности *единого* обязательного семантического общего центра, неудачный термин ЛСВ, неоправданное увеличение числа лемм в словаре и др. Д.Н. Шмелев заменил упрощенный принцип сохранения каждой семемой объединяющего семантического начала положением усложненной перекрестной семантической зависимости, например, третьего значения с пятым и седьмым, четвертого значения с первым, пятого – с шестым и восьмым, первого – со всеми первыми тремя и т.д. и т.п. Термин ЛСВ (лексико-семантический вариант) предложен А.И. Смирницким и не применяется в зарубежном языкознании по разным причинам, главной из которых, при всей универсальности и расплывчатости понятия «вариант» (ср. человек в мужском и женском варианте), является целесообразность сохранения термина *вариант*

для принципиально малосущественных различий (фонемные, акцентные варианты), в то время как отдельные значения многозначного слова могут очень сильно различаться.

В 50-е годы шла оживленная полемика по омонимизации семем, которая в результате наделала много зла дроблением монолитности слова, перенасыщением словника в словаре, придумыванием неубедительных «критериев» для размежевания расходящихся значений.

В то же время упорядочение других насущных вопросов полисемии оставалось без должного внимания (упорядочение гиперо/гипонимических, общезыковых и терминологических, прямых и индизонимических значений и некоторых других отношений). К недоработкам по линии недостаточности учета всего комплекса сложных взаимоотношений значений в пределах полисемии относится один момент, который хотелось бы представить здесь на обсуждение. Типовое изменение значения сводится обычно к тому, что новое значение возникает *вместо* старого, которое уступает место наследнику.

Встречается, однако, иное изменение информативности слова: 1) ее ослабление элементом дистрибуции – словосочетания или соседствующих морфем (Н.А. Янко-Триницкая назвала это «включением») и 2) десемантизация, нейтрализация, утрата имевшегося смысла с превращением прежнего носителя определенной семантики в своеобразную «пустышку», функционально нагруженную благодаря активизации интонационных средств в особых коммуникативных условиях, преимущественно в разговорной речи.

Едва ли не самым примечательным в контекстном «включении» в смысл слова оказывается включение одного из вполне возможных определяющих признаков. Вкус может быть хорошим, тонким, изысканным в одних случаях и дурным, заслуживающим осуждения – в других. Когда же говорят «это вполне со вкусом», «у него нет вкуса», то имеют в виду только хороший вкус. «Ты не бываешь на воздухе» предполагает свежий воздух, «у меня нет слуха» – (музыкального), тогда как слух может употребляться как с положительными, так и с отрицательными атрибутами. «У тебя есть все условия» (благоприятные); сейчас «качество» без определения предполагает «высшее» («мы гарантируем вам качество»), тогда как в XIX веке «качество» имело отрицательный смысл, «у меня температура» (повышенная), «у нее давление» (отстает от нормы: повышенное или пониженное), «после этого кваса у всех расстройство» (желудка). В русском обиходном языке принято говорить о болезнях: «у меня сердце, а у нее почки»; «у Миши желудок, у бабушки печень», «у него нервы» и т.п. Прямого соответствия этому в немецком языке нет: *ich habe es mit den Nieren, sie hat es mit dem Herzen und mit dem Blutdruck*. Нет и немецкой параллели выражения «повышенной температуры» без атрибута: *jd hat Fieber*.

Однозначная мысленная реконструкция неназванного определения встречается в предложных конструкциях: он сейчас в форме (хорошей), она сегодня в настроении (приподнятом), в темпе! (быстром, ускоренном), на высоте (должной), на уровне (высшем), с чувством (искренне, переживая), с выражением (прочувствованно).

Соматизмы могут репрезентировать функцию: за ним нужен *глаз* да глаз, у нее *рука* в министерстве, он *голова*; немецкие *ich bin ganz Ohr*; *die Zunge* а) язык (во рту) и б) *Sprache* *возвыш.*: *verschiedener Zungen mächtig*; *mit tausend Zungen predigen*.

Еще одно любопытное возможное семантическое осложнение, словарно

«узаконенное» и всем известное: *достаться* – получить нагоняй, выговор, взыскание, наказание (Ох, и достанется тебе за то, что ты натворил. За его проделки ему крепко досталось); *попасть* – быть наказанным (От отца ему попало за поломку велосипеда. Она умеет выкручиваться, так что ей никогда не попадет).

Выражения угрозы всегда понимаются однозначно, несмотря на их недосказанность: я тебе *дам!* я вам *задам!* ты у меня *получишь!* они у меня *узнают!* Объект не назван и даже не поддается реконструкции. Тем не менее высказанное вполне ясно благодаря интонации, ситуации и знанию семантического осложнения, узуально присущего слову.

Слова, возникающие в результате усечения, могут семантически осложняться: *Auto* – автомобиль, тогда как словообразовательный элемент *auto-* имеет значение «само», «*selbst, eigen, persönlich, unmittelbar*» (*Autobiographie, Autodiktat, Autogramm*); *super* в сленге означает великолепный, первоклассный, тогда как в составе производных слов *super* значит «*darüber, überhinaus*», «сверх» (*superacid – übernormal säurehaltend, Superlegierung – bei hohen Temperaturen noch beständige Legierung, Supermarket – umfangreicher Markt, Superonym – Hyperonym*); *Uni* – университет, в то время как словообразовательное *uni-* имеет семантику «*einzig, nur einmal vorhanden, univalent*» (*Uniform, unison, univalent*); *Zoo* – зоопарк, а в составе слов аналогичный компонент значит «*lebendiges Wesen, Tier*» (*Zoologie, Zoographie, Zootomie, Zootchnik*). Омонимичность семантики идет здесь по линии объема значения: суженности и большей общности. Есть клишированные конструкции сокращенного состава, воспринимаемые без труда: *die Mutter ist einkaufen (gegangen)*; *die Jungs sind baden (mit dem Bus gefahren)*; *er half ihr aus dem Bett (aussteigen)*; *niemand darf aus dem Flugzeug (raus)*. Предполагаемое действие намечено достаточно определенно названными членами предложения.

Подразумеваемый не названный актант обычно мысленно легко реконструируется и поэтому не является затруднением для понимания высказывания. Однако при сопоставлении языков не исключены «ложные друзья переводчика», особенно в сфере оценки. Русск. *дамочка с характером* (плохим!); нем. *das hat Charakter* (это отменно); будет *погода*, получится отпуск; нем. *das Wetter* (*schlechtes Wetter*) *bricht los, entlädt sich, tobt, zieht ab, Wetterecke* = *Schlechtwettergebiet*. Русск. для галочки (для отвода глаз); нем. *zum Abhaken* (отметка сделанного, без какой бы то ни было негативности).

Включение в семантику слова элемента контекста может напомнить метонимию. Она была достаточно обстоятельно описана Г.П. Зубаревым, А.К. Бирихом, О.Э. Королевой и др. Все же во включении и метонимии есть различие. В метонимии происходит мысленная замена называемого слова (кипит не сама кастрюля, а ее содержимое; город (жители) встречает важного гостя; название растения предполагает его семена, цветы, изделия, продукт, древесину, топливо, лекарство, место, где оно растет, и т.п.)

Имя собственное (личное) имеет широкие возможности предполагать: изображение (фото, портрет, бюст, памятник), произведение (книга, стихотворение, роман, диссертация, живопись, опера, романс), стиль, высказывание, цитата.

Многие топонимы употребляются в несколько сокращенном виде, достаточно ясно предусматривающем неназванный элемент названия: улица (Садовая, Тверская, Бронная, Самотечная), переулок (Гранатный, Борисоглебский, Козицкий, Мамоновский), проспект (Невский, Рязанский, Савеловский, Рижский), площадь (Преображенская, Пушкинская, Лефортовская, Манежная).

Атрибутивные конкретизаторы презентируют словосочетание в целом: северные, суточные, командировочные, отпускные (*деньги*), процедурный, смотровой, рентгеновский (*кабинет*), рус-

ский, английский, французский (*язык*), ремесленное, суворовское, пехотное (*училище*), энергетический, педагогический, медицинский (*институт*). Субстантивация прилагательного при этом не исключена: приемная, детская, столовая, правофланговый, дневальный, рядовой, часовой. Для них определяемое, как правило, уже не реконструируется.

Не называть определение можно по каким-то особым соображениям: она в (интересном) положении = беременна, он работает в органах (госбезопасности); в советское время под партией понималась только КПСС: «он вступил в партию» – не называется в какую, поскольку это и так ясно.

Организация, подразделение, инстанция > а) входящие туда люди: *батальон* перешел в наступление; наш *класс* был сегодня на экскурсии; *регистратура* по телефону справок не дает. В немецком языке положение аналогично. б) организация, подразделение > собрание, заседание: ученый *совет* по понедельникам; предзащита прошла на *кафедре*, *ректорат* вчера не состоялся.

Домысливаемые характеристики при глаголах могут касаться дополнения: он пьет (спиртное), пишет (художественные произведения); *diese Henne legt* (несется); *der Apfelbaum trägt* (плодоносит) *jedes zweite Jahr*; обстоятельства: его не было видно, потому что он сидел (в тюрьме); это уже звучит (как следует); *benimm dich* (*anständig*)!; *der Fisch riecht schon* (*schlecht*); *das Kleid steht dir* (*gut*); модальных значений: ребенок ходит (уже может ходить), читает (умеет читать); больной после операции видит (может видеть); с этим новым аппаратом он слышит (обрел слух); он поет, играет на скрипке (умеет или занимается этим регулярно).

Десемантизация без смены на новое значение прослеживается в следующих случаях.

А. Знаменательное слово теряет свою связь с референтом и превращается в междометие – восклицание, сопровождающее выражение разных чувств при

помощи интонационных средств выражения: боже мой! господи! черт! батюшки! мама родная! вот это да! ну и ну! ничего себе! вот дает! изолированно за пределами просодии ничего не значат. Они обретают смысл в определенных коммуникативных условиях. Можно сказать, они «асловарны». Немецкие восклицания Mann! Manometer! Mensch! Menschenskind! также отличаются асемантичностью, утратой своего значения.

Метонимия дает правило раскрытия не названного, которое расшифровывается и устанавливается благодаря условиям словоупотребления. Это явление сугубо речевое. А при *включении* системно присущее смысловое осложнение должно быть говорящим заранее известно. Дело не в их различении, а в накоплении достаточного фонда подобных ситуативных случаев прироста смысла для уточнения его природы в целом.

Б. Десемантизируются слова-паразиты, заполняющие хезитации, когда говорящий ищет слово, или забыл мысль, или затрудняется ее сформулировать: Она дала, *это*, ему, *это*, как *ее*? корзинку такую, полную каких-то сверточков, ну, *это самое*, завернутых, *значит*, в бумажку, *это*, как *это*? глянцевою, *вота*.

В. Утрачивать свое нормальное значение могут морфемы, составляющие структуру слова, как корневые, так и словообразовательные: *присобачить* доску надо покрепче; он *звезданул* чурку об пол; палку эту он псу *закишечил*. Если корень узнаваем, его семантика тушится или мастерится новое слово-поделка, ничего не значащая, не вызывающая никаких определенных ассоциаций и наполняющаяся каким-то вытекающим из ситуации смыслом: взломщики сало *улюлямзили*, обе буханки *дербулакнули*, а спирт *тютюкнул* – не нашли его. Роль универсальных корневых эрзацев часто в вульгарной речи выполняют обценные слова.

Как бы ни выветривалось значение эмоциональных коммуникативных клише, некоторую смысловую специализацию они при употреблении в типовых

условиях сохраняют: так тебе перетак, так твою так, и смех и грех = нелепость, какого дьявола/ лешего/ черта/ хрена? – возмущение, к черту! к чертям (собачьим)! к чертовой матери! – отвержение; мама родная! мать божия! мать честная! – удивление; ни черта – категорическое отрицание, недопущение; боже сохрани – опасение; пес с ним – попустительство; пес его знает – неизвестность; свят, свят – испуг, удивление; бог знает что – пораженность чем-то; иди (пошел) ты в баню / в болото – проваливай.

Референтно пустые паронимические замены нецензурных слов в целях эвфемизации: бля!, блин!, ё-моё!, едят ты мухи!, японский бог / городской!, елки-палки!, елки зеленые!, нем. Scheibenkleister! bescheiden!

Асемантичны некоторые «квантитативные экспрессымы», состоящие из нагромождения опустошенных корневых основ: Himmelherrgottschockschwerent! Potzkreuzhimmeltausendmordelement! leiderlebenslänglichlausiglange Leitung. Воздействие достигается количественно, гротескно.

Г. Примерами утраты значения словообразовательным средством и незамещения этой утраты никаким новым значением могут послужить: Veilchen, Heimchen, Leibchen, Radischen. Десемантизация происходит и с антропонимами в функции обращения, когда семантика родственных, возрастных, дружеских, служебных и каких-то иных отношений нейтрализуется, полностью или частично сохраняя роль подчеркивания интимизации, корпоративности, почтительности, заискивания, ослабления дистанционности: отец, батя, папаша, мамаша, брат, сестра, мать, сынок, дочка, друг, дружище, старик, приятель, милочка, начальник, шеф и др. Сфера применения подобных апеллятивов ограничена простонародной средой. Для немецкого обихода они нехарактерны, хотя junger Mann!, Kollege! к совершенно постороннему не исключены. Сугубо формален и лишен собственного лексического значения формант sich при рефлексивных глаголах, не имеющих

транзитивных параллелей: *sich weigern*, *sich bedanken*, *sich beeilen*, *sich befinden*, *sich begeben*, *sich erholen*, *sich nähern*, *sich schämen*, *sich sorgen*, *sich verlieben*. Выступая в одних случаях со своим собственным значением, некоторые служебные слова (*an der Wand* – у стены, *zu mir* – ко мне, *mit uns* – с нами, *im Haus* – в доме и т.п.) в других случаях их утрачивают и превращаются в абстрактный, десемантизованный элемент: *an j./etwas denken*, *mit j. sympathisieren*, *die Berg-*

spitze ist zu bezwingen, *das lässt sich erledigen*, *genug geschwätzt*, *jetzt wird geschlafen*.

Затронутые здесь явления заслуживают большего внимания, чем это до сих пор наблюдалось в литературе о разговорной речи, не в последнюю очередь потому, что они небезразличны для лексикографии и изучения иностранных языков. Эллипсизация узуальных коммуникативных клише все еще описана недостаточно.

Библиографический список

1. Зубарев Г.П. Метонимические отношения в лексике современного немецкого языка. Дис... канд. филол. наук, М., 1978.
2. Койкова С.Г. Лексические значения при усечении словосочетаний (на материале немецкого языка). Дис... канд. филол. наук. М., 1993.
3. Королева О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск.: Институт муниципального управления, 2002. 159 с.
4. Чубова Л.В. Усечения как средство пополнения словарного состава немецкого языка. М.: МГПИ им. Ленина, 1982. 201 с.
5. Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие лексики и грамматики современного русского языка. М.: Наука, 1964 С. 18-35.
6. Rammelmeyer M. Emotion und Wortbildung. Untersuchungen zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Umgangssprache // Gattungen in den slavischen Literaturen. Beiträge zu ihren Formen in der Geschichte. Festschrift für Alfred Rammelmeyer. Hrsg. H.-B. Harder u. H. Rothe. Köln, Wien. Böhlau Verlag. 1988. – S. 187-208.